

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

НОВЫЙ ДОМ

Леонид Соловьев

Новый дом

«ФТМ»

1934

Соловьев Л. В.

Новый дом / Л. В. Соловьев — «ФТМ», 1934

«... Наконец Устинья вышла. Накинув крючок, доктор быстро разделся и лег. – Черт знает что! – шепотом говорил он и не мог уснуть, томимый грешными мыслями. Он знал, что может пройти через приемную в ее комнату и не встретит отказа. Очень ясно он представил себе, как прыгнет в приемной зыбкая половица и затаенно звякнут склянки с медикаментами. – Черт знает что! – повторил он, ворочаясь на койке. Зря сболтнула у колодца Устинья. Не жил с ней доктор и даже не лез. Сначала это казалось ей странным, потом обидным. Доктор нравился ей, иногда она ловила его воровские горячие взгляды, но были они такими короткими, что Устинья даже не успевала ответить на них улыбкой. Наступал вечер, доктор запирает дверь и оставался один в комнате. Ни разу не попытался он задержать Устинью, наоборот, выпроваживал ее поскорей. Ночью она плакала, но о своей обиде никому не говорила – из гордости. А доктор сдерживался по двум причинам. ...»

© Соловьев Л. В., 1934

© ФТМ, 1934

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Леонид Соловьев

Новый дом

1

О себе Кузьма Андреевич Севастьянов говорил так:

– На это я, мил-человек, любитель старинное сказывать. Я ее, старину-то, насквозь помню. Удивительное дело, мил-человек, годов мне все более, тело грузное, а память светлее. Я через свое умение пятерку заработал. Давно это было – лет десять. Приехал к нам эдак же один из города, заночевал у меня в избе. «Хозяин, – говорит, – ты, наверное, видел много, скажи, – говорит, – мне про старое». Я ему, конечно, всю ночь сказывал, а он – в книжечку. Да все пишет с успехом, а поспеть все одно не может. Прощаемся утром. «Спасибо тебе, Кузьма Андреев. На-ка, – говорит, – выпей за мое здоровье». Я жду, конечно, полтинник, и тому рад, а он – пятерку! Легкие, видно, были у него деньги...

Рассказывал Кузьма Андреевич хорошо, нараспев, мудрыми и светлыми словами. Забудется, закроет глаза и слушает сам себя как будто издалека.

Нового человека Кузьма Андреевич ни за что, бывало, не пропустит. Два дня будет ходить вокруг да около, выберет все-таки время и расскажет о старине. Очень уж поговорить любил. Оно и неудивительно, потому что никакой другой утехи в своей жизни Кузьма Андреевич не имел.

Был он широк в кости, здоров и на работу лютый, а прожил весь долгий век в покосившейся избенке; черные прогнившие доски крыльца давно уж покрылись мохом, на крыше выросла травка и даже большой куст лебеды. Стены избенки поддерживались хитроумным переплетом подпорок и кольев – вышиби две подпорки – и готово: завалилась избенка.

Еще в молодые годы мечтал Кузьма Андреевич поставить новый дом, да так и не собрался с деньгами. Всю жизнь он маялся то без лошади, то без коровы. Разве построишься?

Мечта о новом доме горечью осела на его сердце; если теперь приходилось увидеть где-нибудь проездом белый сруб, синеватый в отесинах, и сизые крылья мужицких топоров вокруг него – на целый день терял Кузьма Андреевич благодушие.

2

Однажды весенней ночью Кузьма Андреевич вышел на колхозные огороды, что примыкали к задней, глухой стене его избенки.

Ровный голубой свет заливал деревню, плыли облака; по крышам, по дороге и дальше, на полях, стлались дымные легкие тени и, добежав до оврага, исчезали, точно сваливались в него.

В голубом тумане дрожит тонкая комариная струна, роса блестит на траве, на кленовых лапчатых листьях, где-то далеко-далеко, словно за тридевять земель, слышно надрывается обезголосевший пес. Кричат лягушки в пруду – выгоняют месяц, что залез непрошеным гостем и разлегся в глубине на мягких зеленых водорослях.

Кузьма Андреевич осмотрелся. Никого... Подошел к стене, вышиб одну подпорку, другую. Бревна сразу осели; с крыши посыпалась слежавшаяся в землю солома.

Совершив это странное дело, Кузьма Андреевич вернулся в избу.

– Вышиб, – сообщил он старухе. – Завтра к полудню завалится. Дольше не выстоит.

– Ох, Кузьма! А не завалится она, часом, ночью? Придавит!

– Бог милослив, – сказал он, снимая сапоги. – Только, старуха, молчок! Завалилась и завалилась. От старости, мол, нам ровесница.

Когда в избенке потух огонек, совершилось второе странное дело.

Из-за плетня появился человек – маленький, с бороденкой хвостиком, в облезшем собачьем малахае, поставил на место колья, подумал, сходил куда-то, вернулся с толстой березовой жердью и подпер стену еще с правого угла.

– Врешь, Кузьма! – злорадно прошептал он. – Не завалится твоя избенка! Уберегу я твою избенку!

Проснулся Кузьма Андреевич рано. Кричал петух на дворе, красная заря светила в окно.

– Ну, вот и не придавило. Пойти поглядеть. К полудню, чай, обязательно завалится.

В дверях он обернулся.

– Я на работу уйду. И тебе, старуха, уйтись бы. А как завалится, бежи, кричи. Да чтобы слезу видали.

– Ох, Кузьма! Не умею я со слезой.

– Дура! Потри глаза луком. Луковицу-то положи в карман.

Он вышел – и остолбенел. Пальцы сами сложились для крестного знамения. Особенно поразила его новая жердь, дымящаяся под ветром белыми прозрачными завитками.

– Что же ты спишь как бревно! – угрюмо сказал он старухе. – Ничего не слышишь.

– Ох, Кузьма!..

– Вот тебе и Кузьма! Подкузьмили!

На следующую ночь он решил обмануть врага и отодвинул подпорки так, что с виду они как будто поддерживали стену, а в действительности торчали зря – нижние концы не имели упора.

К утру появился упор – здоровенные осиновые колья.

А когда вышел Кузьма Андреевич на дорогу и оглянулся, то чуть не упал. Рамы были окрашены синим, а наличники – желтым. Избенка выглядела нарядной, хоть куда!

Кузьма Андреевич схватил косырь и мгновенно соскреб всю краску. Она была еще сырая и липла к пальцам. Потом Кузьма Андреевич принес из лужи полную лопату грязи, заляпал стену и окна. Избенка сразу посерела и осунулась.

3

Станным ночным событиям предшествовало выселение кулака Хрулина. Недели через две после его отъезда прошел дождь, и тогда обнаружилось, что железная крыша кулацкого дома вся порублена топором.

С этого и началась великая душевная смута Кузьмы Андреевича.

Как-то вечером он залез на хрулинскую крышу посмотреть прорубины. Они были длинными, глубоко вдавленными с того конца, где топор ударял углом; краска потрескалась и облупилась. «До чего мужик вредный!» – подумал Кузьма Андреевич с искренней обидой на кулака.

Он ходил, внимательно приглядываясь и соображая, можно ли поднять края прорубин и залепить швы замазкой. Он так увлекся планами ремонта крыши, что даже забыл о ноющей, сверлящей зубной боли. Правую щеку разнесло, физиономия походила на кособокий арбуз.

Кузьма Андреевич направился к лестнице. В это время над обрезом крыши появилась голова в собачьем малахае, с ехидной бороденкой хвостиком. Это был Тимофей Пронин, прозванный в деревне за острый, злой язык и поперечный нрав «Скорпионом».

Оба смутились и немного испугались.

Первым опомнился Тимофей.

– Ага...

– Угм, – в тон ему ответил Кузьма Андреевич.

– Та-ак, – протянул Тимофей, заноса на крышу ногу в расхлябанном ржавом сапоге.

– Эдак.

– Оно, конечно...

– Ну что?..

– Да вот порубил, окаянный!

Тимофей пошел исследовать крышу. Кузьма Андреевич ревниво следил за ним, и все ему казалось, что Тимофей шагает слишком тяжело и еще больше разворачивает прорубины.

– Чтой ты, Кузьма, в птичье сословье записался? – сказал Тимофей. – Эк тебе, милый, рожу-то перекосило. Ай ночью лазил на крышу да загремел отсюда?

Кузьма Андреевич, неловко оттопыривая зад, спустился с лестницы и ушел, поддерживая ладонью вздутую щеку.

Он шел будто бы к своей избенке, а когда хрулинский дом скрылся за деревьями, свернул и быстро зашагал в правление колхоза.

– Здравствуй, Гаврила Степанов!

Председатель поднял стриженную лестницей голову. На столе перед ним лежала толстая тетрадь в клеенчатой обложке. В последние месяцы он не расставался с ней, что-то записывал, высчитывал, чертил, но никому не показывал.

– Эх, – вздохнул председатель, жесткие короткие волосы скрипнули под его загрубевшей ладонью. – Эх, темнота наша! Сбежал счетовод, дезертир колхозного фронта, щучий сын! Не хотят жить счетоводы в деревне, театров им здесь нет! Что тебе спонадобилось, Кузьма Андреевич?

– Да вроде бы ничего. Проведать зашел. Как оно, здоровьишко-то?

– Да ничего.

– А я все зубами мучаюсь.

– Ишь ты, – равнодушно сказал председатель, продолжая писать.

По его небритой щеке, отливающей медью, ползла большая муха. Скривившись, он дул, пытаясь согнать ее.

– Собрание-то когда? – спросил Кузьма Андреевич, зажмуриваясь от нестерпимой боли.

– А что?

– Надо бы... Всякое там. Вопросы.

Помолчав, Кузьма Андреевич осторожно добавил:

– Крыша опять же...

– Какая еще крыша?

– А на хрулинском доме. Порубил ее Хрулин...

– Так что?

– Чинить, мол, нужно.

– Кого вселим, тот пусть и чинит.

Колени Кузьмы Андреевича дрогнули. Он ответил не сразу, чтобы не выдать волнения:

– То-то... Пусть уж новый хозяин чинит.

– Безусловно.

– Вот и я эдак же говорю мужикам, что безусловно, – ответил Кузьма Андреевич, с видом величайшего безразличия разглядывая потолок. – Опять же – кого вселять?

– На собрании обсудим.

– Во, во!.. Я эдак же говорю, – на обсуждение, мол, надо. Кто, значит, беднейший.

– Беднейший, в работе наилучший, у кого жилье плохое, – сказал председатель.

Муха слетела с его щеки, пересекла – золотая – солнечный столб, угодила с размаху в паутину и забила с тонким, звенящим зудением.

В окно, загораживая солнце, всунулся малахай Тимофея.

– Гаврила, – обратился он к председателю, – хрулинску-то крышу будем чинить?

– Вы что, сбесились с этой крышей! – закричал председатель и сердито швырнул ручку. –

Спокою нет мне от вас!

Тимофеем заметил Кузьму Андреевича. Ехидная борода Тимофея дрогнула.

– Чтой ты, Кузьма, ровно заячьи ноги заимел. Везде вперед поспеваешь.

4

– Тимофей цепляется, – сообщил Кузьма Андреевич старухе.

Зуб расходился все злее. Правая сторона лица отнялась целиком.

– Сходи к Кириллу, – сказала старуха. – Отдай ему рубль, хапуге. Третью ночь не спишь.

Но Кузьме Андреевичу было жалко рубля. Старуха прогнала его почти силой. Он спустился по огородам. Внизу, прислонившись к ветлам, стояла хибарка Кирилла, вечерняя тень накрывала ее.

Кузьма Андреевич постучал.

– Войди с богом, – ответил старческий голос.

Кирилл – божий человек, местный молельщик и знахарь, сидел на скамейке под образами. Костным лоском отблескивал его желтый сухой череп, по затылку бежала, точно привязанная к ушам, тонкая седая кайма.

Он улыбнулся, сощурил бледные глаза, и все обличье его стало благостным, как икона.

– А я все молюсь, – радостно сообщил он. – Я все молюсь. Садись, золотой, помолимся вместе.

– Зуб вот, – мрачно ответил Кузьма Андреевич.

Кирилл сочувственно заохал и проворно достал с божницы темный пузырек.

– Из Ерусалима, – шепотом сказал он крестясь, – из самого Ерусалима!

Он отлил несколько капель в другой пузырек, поменьше, и подал Кузьме Андреевичу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.